

БИБЛИОТЕКА ЖУРНАЛА

„Гигиена и Здоровье Рабочей и Крестьянской Семьи“

ВЫШЛИ И ПОСТУПИЛИ В ПРОДАЖУ СЛЕДУЮЩИЕ БРОШЮРЫ:

1. Проф. Петров.—О раке. Ц. 10 к.
2. Д-р Стояновская. — О предупреждении туберкулеза.
Ц. 10 коп.
3. Д-р Каценельсон.—Охрана материнства и младенчества. Ц. 15 к.
4. Прив.-доц. Л. Эрлик.—Сифилис детей. Ц. 15 к.
5. Д-р Дубинская.—Боритесь с мухами, клопами, комарами, вспышками. Ц. 15 к.
6. Пр.-доц. Лурье. — Предохранение от беременности.
Ц. 15 коп.
7. Д-р Сажин.—Что надо знать о спиртных напитках.
Ц. 10 коп.
8. Пр.-доц. Подвысоцкая.—Экзема и ее причины. Ц. 15 к.
9. Д-р Буховецкий.—Острые желудочные и кишечные заболевания. Ц. 10 к.
10. Д-р Данилевич.—Питание ребенка. Ц. 15 к.
11. Д-р Сигал.—Оздоровление деревни. Ц. 15 к.
12. Проф. Розенберг.—Скарлатина и как себя уберечь от нее. Ц. 10 к.
13. Д-р Бельский.—Зубы и здоровье. Ц. 15 к.
14. Проф. Лисовская.—Триппер и его лечение. Ц. 15 к.
15. Пр.-доц. Мендельсон. — Онанизм и борьба с ним.
Ц. 15 коп.
16. Д-р Митропольский.—Долой бабок! Ц. 15 к.
17. Д-р Сигал. — Суд над матерью, виновной в плохом
уходе за детьми, повлекшем за собою смерть ребенка. (Санит.-просвет. инсценировка в 2-х актах). Ц. 15 к.
18. Д-р Данилевич.—Дифтерит. Ц. 15 к.
19. Д-р И. В. Сажин.—Правда о курении. Ц. 15 к.
20. Академик Заболотный.—Микроны, их жизнь и значение. Ц. 15 коп.
21. Д-р Рейнберг.—Радий в медицине. Ц. 10 к.
22. Д-р Калашников.—О глазных болезнях и причинах
слепоты. Ц. 10 к.
- 23/24. Д-р Буховецкий.—Первая помощь в несчастных случаях и при внезапных заболеваниях. Часть I. Ц. 30 к.
25. То же. Часть II. Ц. 15 к.

Д-р Б. СИГАЛ

R 231
1044

СУД НАД МАТЕРЬЮ, ВИНОВНОЙ В ПЛОХОМ УХОДЕ ЗА ДЕТЬМИ, ПОВЛЕКШЕМ ЗА СОБОЙ СМЕРТЬ РЕБЕНКА

(Санитарно-просветительная инсценировка в 2 актах)

2-е издание

Издательство «ЛЕНИНГРАДСКАЯ ПРАВДА»

1928

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА:

Председатель суда.

Два члена суда (народные заседатели).

Секретарь (или комендант).

Обвинитель.

Задитник.

Подсудимая—Акулина Артемьева, 39 лет.

Свидетели — Мария Михайлова, 24 лет, работница.

Иван Артемьев, 42 л, муж подсудимой рабочий.

Арина Митюхина, 55 лет, бабка.

Эксперт—врач Петров.

Перед началом суда выходит секретарь и, обращаясь к публике, говорит:

Сейчас будет слушаться дело по обвинению Акулины Артемьевой в плохом уходе за детьми, повлекшем за собою смерть ребенка. Прошу из вашей среды выбрать двух товарищей, которые будут участвовать в разборе дела в качестве народных заседателей.

Происходят выборы. Выбранные уходят за сцену и затем участвуют в суде в качестве членов суда.

АКТ I-й.

Явление I-е.

Секретарь (выводит подсудимую. Та садится на скамью подсудимых).

Обвинитель, защитник и эксперт (входят, занимают свои места, рассматривают бумаги).

Председатель, члены суда (входят, занимают свои места).

Председатель. Прошу сесть. Слушается дело по обвинению гражданки Акулины Артемьевой в небрежном и плохом уходе за детьми, привлекшем за собой смерть ребенка. (К секретарю). Свидетели, вызванные по делу, явились? (к подсудимой). Подсудимая, встаньте! Как вас зовут, сколько вам лет?

Подсудимая (медленно встает, задумывается). Меня-то? Акулина, батюшка, Степановна, по хвалили Артемьеву. Годов будет 37. Да уже 39-й пошел, дай бог памяти.

Председатель. Вы к суду не обращайтесь со словом—батюшка. И отвечайте только на вопросы. Ваша партийная принадлежность?

Подсудимая. Беспартийная, батюшка. Виновата, гражданин судья, мы беспартийные.

Председатель. Копию обвинительного акта получили?

Подсудимая. Бумагу ту насчет моего дела? Получила. Да только нет моей вины. Это все паскуда та, Маруська, про меня наплела. Срам какой по судам шляться.

Председатель. Объяснения свои дадите потом. Оглашается обвинительное заключение по делу Акулины Артемьевой.

В пункт охраны материнства и младенчества М.-Нарвского района г. Ленинграда поступило заявление от гражданки Марии Михайловой, посещавшей этот пункт со своим ребенком, о том, что хозяйка квартиры, где она проживала, Акулина Артемьева, дурно обращается со своими детьми и воспитывает и вскармливает их совершенно неправильно. Из четырех имеющихся в живых детей один ослеп в детстве, другой слабоумный, а 6-месячный ребенок находится при смерти от поносов и общего истощения на почве неправильного и не-нормального ухода. Михайлова неоднократно указывала Артемьевой, что надо с ребенком обратиться в консультацию, рассказывала, как надо кормить ребенка и, вообще, воспитывать его, но та внимания не обращала и спрашивала советов только у невежественной бабки-повитухи, Арины Митюхиной, известной в районе под названием «бабки Федоровны», которая лечила ребенка травами, заговорами, от чего ребенок еще больше болел и таял на глазах. Не будучи больше в силах наблюдать мучений ребенка, гражданка Михайлова просит пункт охраны материнства и младенчества принять возможные меры для спасения его. Согласно этого заявления, на квартиру Артемьевой была направлена из пункта сестра Иванова, которая подтвердила заявление Михайловой. Ребенок вскармливается совершенно неправильно, от чего был истощен, страдал поносами, покрыт был

весь чирьями от грязи. Сестра Иванова указала матери ребенка, Артемьевой, на то, как надо вскармливать и ухаживать за ребенком, оставила ей соответствующие книжки для ознакомления и предложила явиться в районную консультацию. Однако, в течение недели Артемьева туда не явилась, и когда сестра опять пришла к ней на квартиру, то оказалось, что ребенок умер, и Михайлова подвердила, что Артемьева не выполняла совершенно тех указаний, которые ей сестрой были сделаны. В виду этого гражданин г. Ленинграда Акулина Артемьева, 39 лет, предается суду по обвинению в том, что дурным уходом за своим ребенком довела его до смерти, т. е. по ст . . . Угол. Кодекса.

Председатель (*к подсудимой*). Вы признаете себя виновной в том, что сознательно плохим уходом довели ребенка до смерти?

Подсудимая. Не виновата я, батюшка, не виновата, гражданин судья. В жисть не виновата. От болести помер Колька мой. Собачья старость на него напала. Уж самой так жалко его, так жалко (*слезы*). Что только ни делала, чтоб здоров был! Не помогло. Все мы в божей воле. Какая моя вина? Маруська все наплела, чтобы ей не было царства небесного!

Председатель. Оставьте вы свою Маруську в покое, а отвечайте только на вопросы. Сколько у вас всего детей?

Подсудимая. Трое теперь осталось.

Председатель. А родилось у вас сколько детей?

Подсудимая. Было семеро, да четверых го- сподь прибрал. Вот последнего только похоронила.

Председатель. А умирали дети ваши в каком возрасте?

Подсудимая. Махонькими все помирали. Махонькими, как Колька мой. Поживут, а потом собачья старость нападает. Они и помирают.

Председатель. Обращались ли вы с ними к врачу, в консультацию? Спрашивали ли вы, как надо правильно вскармливать ребенка?

Подсудимая. Не спрашивала, батюшка, гражданин судья. Не спрашивала. А на что спрашивать? Каждая мать сама знает, как ей ребенка кормить. И меня мать моя выrostila без дохтурров да консультациев, и здоровая выросла. Да и не слыхала про эти консультации. Бабка Федоровна у меня и ребят принимала и как что--поможет.

Председатель. Не имеют ли стороны вопросы?

Обвинитель. Разрешите. Вы говорите, подсудимая, что не слыхали про консультацию для грудных детей. Но ведь жившая у вас на квартире Михайлова посещала эту консультацию и вас уговаривала итти туда с ребенком?

Подсудимая. Да стану я слушать Маруську. Она нагуляла там, стерва, своего, да и ходит по консультациям. А мой законный,—да стану я его тащить по таким местам.

Обвинитель. Позвольте, дети все одинаковы, что законные, что незаконные. Теперь мы так детей не различаем. Прошли эти времена. Но ведь вы же видели, что ребенок у вас на глазах тает, болеет; как же вы не подумали, что надо посоветоваться с доктором, и даже не выполнили советов сестры?

Подсудимая. Да что сестра наговорила, книжку дала, так я неграмотная. А книжка—она, батюшка, не для нашего брата. И в чистоте его держать, и кормить по часам, и на воздух выносить, чтоб простудился, и не качай, и не свивай. Чего только ни наговорила! Я попробовала это сделать, так Колька еще пуще заплакал. Я его маковыми головками напоила, укачала, он и заснул.

Обвинитель. У вас один ребенок родился слепой?

Подсудимая. Наказал господь, ослеп в скости после рождения. Глазки гноились, а потом и ослеп.

Обвинитель. А вы спрашивали у врача, отчего он ослеп?

Подсудимая. Ходила раз к доктору. Он и сказал, что болесть такая у меня была—заразная. Да только Федоровна говорит, что не от этого.

Обвинитель. Не имею пока вопросов.

Зашитник. Разрешите мне. Вы чем, подсудимая, занимаетесь?

Подсудимая. Да какое занятие—домашнее хозяйство. Торгую помаленьку на базаре—яблочками, семячками. Муж на заводе работает.

Зашитник. А когда вы уходите на базар, вы кого с детьми оставляете?

Подсудимая. Да сами остаются. Запру их, они и спят целый день.

Зашитник. А грудного ребенка вы тоже оставляли на целый день?

Подсудимая. Куда же его девать?—Не тащить же на рынок. Покормишь его грудью, а потом сунешь ему соску да и пойдешь на базар. Вечером придешь и снова покормишь.

Зашитник. А не пробовали вы ребенка отдать в ясли?

Подсудимая. Не пробовала. Да разве же можно своего ребенка на чужие руки отдать?

Зашитник. Бабка Федоровна, о которой вы говорите, очень известна в вашем районе?

Подсудимая. Да как не знать, батюшка, виновата, гражданин судья. Небось, и вы про нее слыхали. Самая первая у нас лекарка. Всех детей принимала и на картах гадает.

Зашитник. Это она вам не советовала носить ребенка в консультацию?

Подсудимая. Говорила: не носи его туда. Там тебе только спорят его. Крестят его еще по-советскому—совсем пропадет. Я и побоялась.

Зашитник. Больше вопросов не имею.

Эксперт. Разрешите мне выяснить, как кормила и ухаживала за ребенком подсудимая.

Председатель. Спрашивайте.

Эксперт. Скажите, подсудимая, с какого месяца вы стали прикармливать ребенка?

Подсудимая. Да сразу, как родился, я стала ему грудь давать. Он все кричит да кричит. Федоровна говорит: молока у тебя нехватает. Я и стала ему давать кашу, коровьим молоком поила. Все для него делала, чтоб кормился хорошо. А тут меня еще судят. И все Маруська наделала.

Эксперт. А кормили вы ребенка грудью, как родился, через 3 часа, как полагается, или как закричит?

Подсудимая. Как тут на часы глядеть, родимый! Как закричит, так ему и дашь пососать. Разве же маленький может разбирать по часам, когда ему есть положено?

Эксперт. Вот это и неправильно. Он и кричал и болел от перекармливания. А купали вы его часто?

Подсудимая. Сами видите—зима идет, как же купать? Простудить можно.

Эксперт. И на воздух не выносили?

Подсудимая. Зимою-то? Да что вы, батюшка, рехнулись? Виновата, гражданин инспектор, не

знаю, как величать. Где же то видно, чтобы ребенок махонького зимой на улицу носили на мороз?

Эксперт. А форточку открывали вы в квартире, проветривали ее?

Подсудимая. Зимою-то? Да что это за наказание господне! Дров вы нам не дадите, правда. А холоду напущать я не буду. Печку топить да окна открывать? Замазала я их, форточки-то, чтоб не дуло. Фортку открывать не буду.

Эксперт. Больше вопросов не имею.

Председатель. Вызовите свидетельницу Марию Михайлову.

Явление 2-е.

Те же и свидетельница Михайлова.

Председатель. Пожалуйте сюда, свидетельница. Предупреждаю вас, что вы должны показывать только правду; за ложные показания вы будете привлечены к ответственности. Ваше имя и фамилия, сколько вам лет?

Михайлова. Мария Михайлова, 24 года.

Председатель. Что вы можете сказать по настоящему делу?

Михайлова. Настоящее дело по моей вине раскрылось. Живу я на квартире у Акулины Степановны и все время вижу, как страдают ее дети. Первым делом, муж ее пьет крепко, домой приходит и детей часто колотит. Да и сама хозяйка

тоже выпивает. Что только ни делается там! Дети прячутся у меня в комнате. Отец за ними гоняется. Меня даже раза два ударили, что я за них заступилась. Но я все терпела. Детей мне жалко. А потом родился у меня ребенок и у хозяйки в одно время. Я со своим сразу стала ходить в консультацию, кормить его правильно, в ясли его отдала, не свивала его, не качала, и так хорошо у меня растет. Смотреть любо! А ее-то махонький цельный день с соской лежит. А то еще пожует она кашку, да в рот ему в грязной тряпочке сунет. Купать его боялась, а он весь чирьями покрылся, страшный стал, плачет цельный день. Я и то приду, чем могу — успокаиваю. Сколько ни говорила я Акулине Степановне пожалеть ребенка, пойти со мной в консультацию — хоть бы что. Скажу по правде, даже самогонку давала ему пить, чтоб уснул. А бабка Федоровна травами все поит да маковыми головками. Раз даже припекать его хотели в печке, — не вытерпела я, выгнала бабку и сказала, что я на нее донесу. Так обозлилась она на меня. Вижу, пропадет ребеночек. Сказала в консультации. Прислали сестру. Та то же сказала, что я, велела в консультацию с ребенком пойти. А Акулина Степановна после как напустилась на меня, чуть с квартиры не выгнала. Так и помер ребеночек ее.

Председатель. Значит, вы считаете, что определенно по вине матери помер ребенок?

Михайлова. Думаю, что так, товарищ судья. Все она делала не так, как надо. Я теперь уже хорошо знаю, как надо за ребенком ухаживать. Хоть и тяжело мне с ребенком одной, а, спасибо, консультация помогла. Ребеночек у меня здоровый, одна радость.

Подсудимая (*с места*). Позвольте сказать. Председатель. Что вы хотите сказать?

Подсудимая. Известное дело, батюшка, гражданин судья. Как у нее приблудный, так его и в ясли взяли, а мне куда ж итти-то?

Председатель. Предупреждаю вас, подсудимая, чтобы вы были осторожны в выражениях. Приблудных детей у нас нет. И вам бы помочь такую же оказали, если бы вы были сознательнее и пошли в консультацию, а не слушались бы бабок. Садитесь, подсудимая. (*К сторонам*). Нет ли вопросов?

Обвинитель. Разрешите мне. Не можете ли вы рассказать, свидетельница, чем вам помог пункт по охране материнства и младенчества?

Михайлова. Кабы не он, совсем бы пропала. И вспомнить сейчас тяжело, как исстрадалась я. Приблудный, говорит она, у меня ребеночек. Пусть приблудный, но разве виновата я, что обманул меня негодяй. На фабрике приставал ко мне мастер наш, обещал жениться, я и поверила. А потом, как беременная стала, бросил меня, и потом узнала я, что женат он. Так стало мне

тяжело, хотела руки на себя наложить. Акулина Степановна привела ко мне бабку Федоровну; та мне аборт делать хотела, все уговаривала. Не решилась я: и тяжело мне от подлеца такого рожать, а все же ребеночка убить не хотела—любила я его уже, как во мне был. (*Плачет*). Пошла я в Женотдел наш, выслушали меня, направили на пункт охраны материнства и младенчества, и там доктор, спасибо ему, повел меня в юридическую консультацию; рассказала я все, записали да и вы требовали от бросившего меня негодяя на содержание треть жалованья каждый месяц; хоть и вертелся он на суде, все отговаривался,—не помогло ему. А потом, как рожать время пришло, меня за 2 месяца от работы освободили, жалованье сохранили. На роды в больницу положили,—бесплатно все. Чистота там такая! А потом я пособие от страхкассы получила. Два месяца еще на работу не ходила по закону. А теперь ребеночка в ясли фабричные отдала. Там ему хорошо. Я прихожу кормить его, а ночью домой беру. Вот как о ребенке моем позаботились.

Обвинитель. А подсудимая—могла ли она также рожать в больнице, отдать ребенка в ясли?

Михайлова. Думала, что могла бы. Муж ее служит тоже на заводе, и я уже просила у нас, чтобы ее ребеночка приняли, рассказывала, как его мать-то воспитывает. Да и слушать она не хотела. Все попрекает меня, что ее законный, а мой-то

незаконный, прижитый. Я и сама стыдилась раньше. А теперь и не стыдно мне. Я такая же мать, как другие, и ребеночек мне теперь в радость.

Обвинитель. Больше вопросов не имею.

Зашитник. Разрешите мне. Скажите, пожалуйста, свидетельница, как жилось подсудимой в материальном отношении. Хватало ей на жизнь?

Михайлова. Жила, как вообще рабочие. Конечно, достатка большого не было. Да она сама торгует, прирабатывает. Только нехватало им, потому зашибает хозяин крепко, пропивает много.

Зашитник. Что же, по-вашему, сознательно так поступала подсудимая или просто по темноте своей?

Михайлова. Понятно, по несознательности. Только я считаю, что она, как мать, должна была более внимательно относиться к тому, что ей говорили. В этом ее вина.

Зашитник. А посещала ли подсудимая какие-нибудь собрания, слушала ли доклады по охране материнства, имела ли она об этом представление?

Михайлова. Нет, ее ни в клуб, ни на собрание калачом не заманишь. Сколько я ни говорила, как собрание домашних хозяйств, чтобы пошла. Никак не уговорить ее.

Зашитник. Больше вопросов не имею.

Председатель. Свидетельница, вы свободны, садитесь. (*К секретарю*). Пригласите свидетеля Ивана Артемьева.

Явление 3-е.

Те же и Иван Артемьев.

Председатель. Напоминаю, свидетель, что вам надлежит показывать только правду. За ложные показания вы будете привлечены к ответственности. Ваше имя, фамилия, сколько вам лет?

Артемьев. Иван, 41 год.

Председатель. Ваше занятие?

Артемьев. Рабочий на Металлическом заводе.

Председатель. Вы муж подсудимой?

Артемьев. Муж.

Председатель. Что вы знаете по настоящему делу?

Артемьев. И знать не знаю, что это за суд такой. Помер маленький, так кто тому повинен?

Председатель. Вы знаете, что ребенок ваш болел от плохого ухода и неправильного вскармливания?

Артемьев Я до того не касался. Это бабье дело с ребенком возиться.

Председатель. Значит, вы даже и не интересовались тем, здоров ли ребенок и почему он болеет?

Артемьев. Маленькие всегда болеют и кричат. А я что понимаю в этом? Это матери дело.

Председатель. И вы не советовали жене пойти с ним в консультацию, посоветоваться с врачом?

Артемьев. На что нам консультация? Без нее прожили и проживем.

Председатель. Не имеют ли стороны вопросов?

Обвинитель. Разрешите мне. Слышали мы здесь, свидетель, что вы пьете много. Так ли это?

Артемьев. Выпиваю, как придется. Так это, что же, возбраняется?

Обвинитель. Да вот еще говорят, что вы детей колотите, когда домой приходите.

Артемьев. Бывает, ударишь раз-другой. Так они, ежели их не учить, совсем пропащими вырастут. И так от рук отбились.

Обвинитель. Так вы думаете воспитать их путем колотушек? И маленьких детей вы тоже били?

Артемьев (*мнется*). Не припомню.

Обвинитель. Разрешите спросить свидетельницу Михайлова.

Председатель. Свидетельница Михайлова, пожалуйте сюда!

Обвинитель. Что вы нам можете сказать по поводу отношения Артемева к детям?

Михайлова. Ничего хорошего сказать не могу. Как придет пьяный, всем достается. И маленького раз так кинул, что тот чуть не уился. А потом он еще детям пить дает. Даже грудному ребенку пить давал. Он думает, что водка и самогонка все болезни выгоняют.

Обвинитель (к Артемьеву). Ну, что вы скажете? Как же вам не стыдно! Вы—рабочий, работаете на крупном заводе. Неужели вы не знаете, что нельзя пьянистовать, что вы совершаете преступление, спайвая детей, что вы губите их колотушками?

Артемьев. Оно-то, может, ваша правда. Да привык я с малолетства к питью, так мне и нестерпеть.

Обвинитель. Больше вопросов не имею.

Председатель. Свидетельница Михайлова, садитесь!

Задитник. Разрешите мне вопрос. Вы пили, свидетель, дома или приходили выпивши?

Артемьев. Как придется. На праздниках али с получки и дома выпью.

Задитник. Когда дома пили, вы и жену угощали?

Артемьев. И она выпивает с нами—по-бабьи, не так уж крепко.

Задитник. Так. А во время беременности и кормления грудью она тоже пила?

Артемьев. Случается. Как праздник, так не разберешь, беременная али нет. Надо выпить, сами понимаете.

Задитник. Вот этого я не понимаю. А слышали ли вы, что особенно вредно пить женщине во время беременности и кормления грудью?

Артемьев. Да вот теперь слышу. Раньше не слыхал. На лекции в клуб не ходил. Где ж было слыхать?

Задитник. Больше вопросов не имею.

Председатель. Садитесь, свидетель. (К секретарю). Вызовите свидетельницу Арину Митюхину.

Явление 4-е

Те же и свидетельница Митюхина—бабка Федоровна (сморщенная старушка, в платке, входит робко, останавливается у двери).

Председатель. Пожалуйте сюда, свидетельница! Напоминаю, что вам надлежит показывать только правду. За ложные показания вы будете привлечены к ответственности. Ваше имя, фамилия, сколько вам лет?

Федоровна. Зовут меня Федоровна, так все прозывают. По имени Арина, по хвамилии Митюхина, вот как. А годов будет с пятьдесят.

Председатель. Вы что знаете по настоящему делу?

Федоровна. И невдомек мне, чего меня припутали.

Председатель. Вы чем занимаетесь?

Федоровна. Да какое наше вдовье занятие? Христа ради подают добрые люди, побираюсь.

Председатель. А не занимаетесь ли вы повитушеством, не принимаете ли вы ребят?

Федоровна. Ребят-то? Как попросят, приму. Я по этому делу специальна. Годиков сорок ребят принимаю.

Председатель. А лечением ребят вы тоже занимаетесь?

Федоровна. Какое наше лечение?—Мы не доктора. По-бабы, по-простому. Заговоры знаю от грызи али собачьей старости.

Председатель. Вы лечили ребенка Артемьевой?

Федоровна. Старалась, батюшка, над ним! Уж как старалась, да прибрал господь. На то божья воля.

Председатель. Чем же вы его лечили?

Федоровна. И маковые головки давала, и наливочки, и заговаривала. Да не привел господь.

Председатель. А отчего же все кричал ребенок, чем он болел?

Федоровна. Я так думаю, что собачья старость у него была, да еще зубки прорезались. Оно и на желудочек бросилось.

Председатель. Нет ли вопросов у сторон?

Обвинитель. Разрешите мне. А ребенка, который ослеп впоследствии у Артемьевой, вы принимали?

Федоровна. Я, батюшка.

Обвинитель. А отчего он ослеп, по-вашему?

Федоровна. На солнышко вынесли его, но солнышко—оно глазки сожгло.

Обвинитель. А вы разве на солнышке не бываете?

Федоровна. Так я старая. А у махонького глазки слабенькие: они солнца не выдержат.

Обвинитель. Говорят, что вы еще.abortами промышляете?

Федоровна. Я, родимый, и слыхать не слыхала, что за abort такой.

Обвинитель. Позвольте спросить свидетельницу Михайловой.

Председатель. Свидетельница Михайлова, пожалуйте сюда!

Обвинитель. Что вы скажете по поводу заявления свидетельницы?

Михайлова. Врет она все. Не мало она народу погубила. Из-за нее померла наша работница Горюнова. Только боятся они сказать про нее. И мне она abort хотела делать. Этим промышляет. Темный люд дурачит. Только ничего: выведем мы ее на чистую воду, перестанет она людей калечить. Теперь уже меньше народу ей верит.

Обвинитель (Федоровне). Что вы скажете по этому поводу? Будете вы отпираться, что занимаетесь abortами?

Федоровна. Что ее слушать? Известно, какая она. Гулящая, одно слово. И незамужняя и с ребеночком. Тоже—птица. Под кустиком поймала.

Обвинитель. Свидетельница Михайлова мне больше не нужна.

Председатель. Свидетельница Михайлова, садитесь!

Обвинитель. Свидетельница Митюхина, как последние роды у Артемьевой благополучно прошли?

Федоровна. Ничего прошли. Только болела она после недели три, так это с простуды. Окошко открыли, ее и продуло.

Обвинитель. Разрешите сделать заявление суду. Я думаю, что суд достаточно выяснил роль свидетельницы Федоровны в этом деле. Эта бабка, пользующаяся темнотой некоторых слоев женщин, калечит их здоровье и здоровье их детей. Они подрывают всю нашу работу по охране материнства и младенчества. Я прошу суд вынести постановление о привлечении к ответственности гр-ки Митюхиной за занятие повитушеством, абортами и невежественным лечением и о взятии ее до суда под стражу.

Федоровна. Что ты, родимый! Я пользу людям делала без корысти, за что меня под суд-то?

Председатель (совещается с судом). Выслушав заявление общественного обвинителя, суд постановил привлечь к ответственности гражданку Митюхину за калечения здоровья женщин и детей и заключить ее под стражу. (Федоровне). Свидетельница, вы арестованы. (Секретарю). Уведите свидетельницу.

Федоровна уходит в сопровождении секретаря.

Явление 5-ое.

Председатель (к эксперту). Гражданин эксперт, прошу вас дать свое заключение по делу. Можно ли сказать с уверенностью, что смерть ребенка Артемьевой последовала от плохого ухода за ним матери?

Эксперт. Я, к сожалению, сам этого ребенка не видал. Но, судя по словам нашей сестры, Ивановой, наблюдавшей ребенка при жизни, да по тому, что выяснилось здесь на суде, я должен определенно заключить, что заболевание и смерть этого ребенка находились в тесной связи с неправильным уходом за ним со стороны его матери. Мы прекрасно знаем, что детская смертность в младенческом возрасте главным образом зависит от того ухода, который имеется за этими детьми. И если у нас в дореволюционное время в России детская смертность была значительно выше, чем в других странах, и доходила до 25—30 и больше на каждых 100 детей в возрасте до 1 года, то это главным образом об'яснялось теми условиями, в которых росли и развивались эти дети. И на примере ребенка Артемьевой мы это прекрасно видим. Уже с момента родов вредные влияния на ребенка оказались. Рожала Артемьева дома, принимала ребенка бабка Федоровна. Такие роды часто оканчиваются болезнями рожениц и ребенка, потому что невежественная бабка за-

носит заразу и прививает тяжелые болезни. Поэтому мы говорим, что роды надо проводить в больнице или в родильном доме. Новорожденного до 6 месяцев надо кормить только грудью и через определенные промежутки времени, через $2\frac{1}{2}$ —3 часа, с перерывом на ночь. Если кормить чаще,—получается перекармливание, и ребенок болеет поносами. Нельзя давать такому ребенку кашки, хлеба, чистого коровьего молока—всего того, что плохо еще переваривается в его желудочке. Артемьева же его кормила неправильно. Она ему как раз давала ту пищу, которая ему вредна была. Ребенок страдал от поносов, кричал от колик, а она его продолжала кормить неправильно. Кроме того, ребенка она не купала ежедневно, что надо делать, не выносила его на свежий воздух. У нас все боятся простуды, а между тем дурной воздух гораздо опаснее простуды. Кроме того, ребят не надо свивать туга, не надо укачивать. Все это вредно ребенку. А Артемьева как раз поступала наоборот. Нет ничего удивительного в том, что ребенок у нее болел и умер.

Председатель. Нет ли у сторон вопросов?

Обвинитель. Разрешите мне. Скажите, гражданин эксперт, а как повлияло на ребенка лечение бабки Федоровны маковыми головками да то, что его поили водкой, наливками и самогонкой?

Эксперт. Это лечение, если его только можно так назвать, самым губительным образом отразилось на ребенке. В отваре из маковых головок имеется одурманивающий яд. И яд этот хотя и успокаивает ребенка, ибо он, одурманенный, засыпает, но отравляет его мозг, разрушает его здоровье. Что касается спиртных напитков, то они тоже самым вредным образом влияют на здоровье как взрослых, так особенно детей. И большое преступление совершают те родители, которые детям дают выпить даже небольшое количество спиртных напитков, детям здоровым, а тем более больным. Вредно особенно, если женщина пьет во время беременности и кормления грудью. А мы здесь слыхали, что подсудимая пила в это время. Это могло отразиться на ребенке и на способности матери к кормлению грудью. И если один ребенок у Артемьевой имеется слабоумный, то это, возможно, произошло вследствие алкоголизма родителей.

Обвинитель. А отчего ослеп ребенок у Артемьевой?

Эксперт. Вероятнее всего, на почве болезни матери гонорреей, или триппером. Нам Артемьева сказала, что болела заразной болезнью, от которой теперь, должно быть, вылечилась. И ребенок во время родов, вероятно, заразил свои глазки трипперным ядом и ослеп от этого. Так у нас слепнет много тысяч ребят, особенно в деревнях.

Если бы Артемьева рожала в больнице или звали бы на дом врача или акушерку, а не невежественную бабку, то ребенка удалось бы спасти от слепоты, впустив ему сейчас же после рождения в глазки 1—2 капли ляписа. Она этого не сделала, и вследствие этого от трипперного гноя наступило воспаление глаз (блenorрея), ребенок и ослеп.

Обвинитель. Больше вопросов не имею.

Задачник. Больше вопросов не имею.

Председатель. Объявляю судебное следствие законченным. Перед прением сторон объявляю перерыв. Граждане, если есть у вас вопросы по уходу за детьми, вам разрешается их задавать врачу-эксперту во время перерыва. Врач любезно согласился ответить на них.

Перерыв.

А К Т 2-й

Явление 1-е

Секретарь. Суд идет! (*Все встают*).

Преседатель, члены суда, обвинитель и защитник (*входят, занимают места*).

Председатель. Прошу сесть. Слово предоставляется общественному обвинителю.

Обвинитель. Граждане судьи! На первый взгляд страшное, необычное дело разбирается сегодня на суде. Речь идет о матери, которая не убила своего ребенка, которая как будто даже любила его и плачет по нем, но которую мы тем не менее судим, как виновную в смерти этого ребенка. И тем более велико общественное значение этого суда, что такое же обвинение может быть предъявлено многим тысячам наших матерей.

В прежние годы, дореволюционные, такой суд был бы невозможен. Действительно, какое дело было государству до того, как растут и воспитываются дети дома, отчего они умирают. Это было личным делом их отцов и матерей. И умирали миллионы грудных детей, устилали своими трупиками наши кладбища из-за темноты и невежества, которыми окутаны были вопросы ухода за детьми

у матерей. Но Советская власть уже с момент своего возникновения поставила государственной задачей охрану материнства и младенчества. Она создала ряд соответствующих учреждений, о которых нам говорил эксперт. Она издала ряд законов, охраняющих интересы женщины-матери и ребенка, подобных которым нет во всем мире. Она, что самое главное, обучает матерей правильному уходу за детьми, старается рассеять то множество суеверий и предрассудков, которые вкоренились по этому вопросу в массах и которые с таким трудом приходится изживать.

И поэтому сейчас, после 10 лет существования Советской власти, мы должны особенно строго относиться к таким матерям, как Артемьевая, для которой вся эта работа по охране материнства и младенчества пустой звук, которая живет еще старой косной жизнью, которая все делает для того, чтобы ребенок ее болел и погиб. То, что развернулось сегодня на суде, ярко это подтверждает. Роды проводит Артемьевая на дому при помощи грязной невежественной бабки Федоровны, рискуя заражением своим и ребенка. Кормит она его как попало, чем попало, лечит его маковыми головками и спиртными напитками. На свежий воздух не выносит, не купает. Мало того, когда ей Михайлова указывает, что из-за этого ухода ребенок гибнет, когда пришедшая сестра из консультации настаивала, чтобы она пошла с ним

туда, выполняла меры правильного ухода, она уклоняется от этого, и, в результате, наступило то, что можно было ожидать. Ребенок умер. И не от собачьей старости или зубков умер он, а по вине своей матери. Но этого мало. Позади еще ряд жертв: ослепший по той же причине от триппера ребенок, слабоумный от алкоголизма родителей, двое умерших от неизвестных причин. Все это заставляет нас требовать суворого наказания для гр-ки Артемьевой. Надо, наконец, твердо знать, что родители, давшие жизнь ребенку, должны правильно ходить за ним. Государство делает все, что в силах, для помощи матерям и детям. Но и сами матери и отцы должны сознавать свою ответственность и учиться правильно воспитывать детей. Было бы еще извинение для Артемьевой, если бы она жила в деревне, куда еще мало проник свет знания. Но здесь, в крупном центре, где множество пунктов по охране материнства и младенчества, где имеются ясли, оправдать ее, не принявшую никаких мер к улучшению состояния своего ребенка и сознательно его губившую, мы не можем. Я требую для нее строгого наказания.

Председатель. Слово принадлежит общественному защитнику.

Задачник. Граждане судьи! Я согласен с тов. обвинителем в том, что матери должны посещать с детьми пункт охраны материнства и младенчества, что они должны учиться правильно ухажи-

вать за детьми. Это их обязанность, их великое дело. С этой точки зрения подзащитная Артемьева совершила определенный проступок. Но ведь ее обвиняют не в этом. Ее обвиняют в том, что она сознательно довела ребенка до гибели. Мало того, обвинитель еще находит за ней и другие тяжелые преступления: она виновата и в смерти других детей, умерших неизвестно от чего, и в слепоте ребенка, и слабоумии, и других несчастиях. Во всем она виновата, да притом еще сознательно все это совершила.

С этим я согласиться не могу. Одна причина лежит во всем этом—темнота и невежество нашей подзащитной. Вся семья Артемьевых прошла мимо того громадного сдвига, который произошел в рабочих массах со времени Октябрьской революции. Посмотрите на мужа Артемьевой. Разве он меньше ее виноват? Он, пьющий горькую, каким-то чудом удерживающийся на заводе, избивающий детей, живущий еще в старом, грязном, пьяном быту, который сейчас в большинстве рабочих семей уже отходит в прошлое. И что удивительного в том, что для Артемьевой все новое чуждо, что для нее, проводящей время между кухонной плистой и ларьком на рынке, бабка Федоровна—главная советчица, а консультации, яслей она не признает совершенно, не понимая и не представляя себе того нового, что делается кругом. Поэтому сознательная свидетельница Михайлова, выступив-

шая здесь, поступила, с моей точки зрения, неправильно, не приняв раньше должных мер к прояснению сознания Артемьевой, не поведя ее в клуб, не научив грамоте, не убедив пойти в консультацию не тогда, когда ребенок уже умирал, а раньше. И Артемьева уже достаточно наказана смертью ребенка. Большего наказания ей и не придумать. Надо просветить Артемевых, и тогда они поймут свои ошибки, которые по несознательности делали. Я прошу суд оправдать мою подзащитную.

Председатель. Подсудимая, вам предоставляется последнее слово.

Подсудимая (*плачет*). Да что я могу сказать? Может, их правда. Сама не знала, как делаю. Как за мной мамаша смотрела, так и я за детскими. Все Федоровне верила. Теперь вижу,— нехорошо делала. Может, так и есть, что от меня Колька помер. Только не хотела я, видит бог, не хотела. Не судите меня строго. Дайте других детей вырастить. Теперь уж буду правильно все делать.

Председатель. Суд удаляется на совещание для вынесения приговора. Объявляю перерыв.

Явление 2-ое.

Секретарь. Прошу встать, суд идет!

Все встают. Председатель, члены суда входят.

Председатель (*читает приговор*). 192 г. дня Народный Суд в составе председателя и членов суда тт.. , за-

БИБЛИОТЕКА ЖУРНАЛА

«Гигиена и Здоровье Рабочей и Крестьянской Семьи»

слушав в заседании своею дело № . . . по обвинению гр-ки Артемьевой, Акулины Степановны, 39 лет, в том, что она сознательно неправильным уходом за ребенком довела его до смерти, признал доказанным, что гр-ка Артемьева Акулина способствовала своим неправильным уходом заболеванию ребенка, что она уклонилась от посещений пункта по охране материнства и младенчества, выполняя советы невежественной бабки Федоровны и не выполнила предписаний сестры из консультации и тем довела ребенка до смерти, и приговорил ее на основании ст . . ст . . Угол. Код. к заключению в исправдоме сроком на 1 год, но, принимая во внимание ее несознательность и отсутствие злой воли, суд находит возможным приговор считать условным и выразить ей общественное порицание. Кроме того, суд обязывает ее пройти «материнские» курсы, чтобы научиться правильному уходу за детьми.

Суд выражает общественное порицание Артемьеву Ивану, мужу подсудимой, за пьянство и избиение детей и предупреждает, что при повторении подобных явлений он будет предан суду.

Суд окончен.

26. Пр.-доп. Вейнгеров.—Морские, речные, песочные и солнечные ванны, как источник здоровья. Ц. 10 к.
27. Д-р Каплан.—Ангина. Ц. 10 к.
28. Прив.-доп. Эрлих.—Гоноррея у детей. Ц. 10 к.
29. Проф. Вонзблейн.—Физкультура. Ц. 10 к.
30. Пр.-доп. Мендельсон.—Об укреплении памяти. Ц. 20 к.
31. Пр.-доп. Мендельсон.—Гигиена брака. Ц. 15 к.
32. Проф. Сахновская.—Чесотка. Ц. 15 к.
33. Врач Красюков.—Какие болезни животных опасны для человека. Ц. 15 к.
34. Д-р Мак.—Детям о туберкулезе. Ц. 15 к.
- 35/36 Д-р Сигал.—Как я учился здоровой жизни. Ц. 30 к.
- 37/38 Д-р Дернова.—Беседы с родителями о малом ребенке. Ц. 30 к.
- 39/40. Зима о физкультуре. Ц. 30 к.
41. Проф. Гамалея.—Испанка. Ц. 15 к.
42. Д-р Бродерсон.—Физические методы лечения. Ц. 15 к.
43. Д-р Якобсон.—Половая слабость. Ц. 15 к.
44. Д-р Рыбак.—Для чего служат рентг. лучи. Ц. 15 к.
45. Пр.-доп. Эрлих.—Потливость. Ц. 15 к.
46. Киселева.—50 рецептов приготовления пищи малым детям. Ц. 20 коп.
- 47/48. Кавказские минеральные воды. Ц. 25 к.
49. Д-р Гольдфельд.—Стройте ясли. Ц. 15 к.
50. Д-р Буховецкий.—Брюшной тиф. Ц. 20 к.
51. Проф. Гамалея.—Бешенство. Ц. 15 к.
52. Акад. Заболотный.—Сыпной тиф. Ц. 15 к.
53. Д-р Садов.—Заразные болезни и быт. Ц. 15 к.
54. Пр.-доп. Данилевич.—Корь. Ц. 15 к.
55. Д-р Каценельсон.—Советы матерям. Ц. 15 к.
56. Д-р Калашников.—Памятка домового санпредставителя. Ц. 15 к.
57. Д-р Сигал.—Человек—живая фабрика. Ц. 15 к.
58. Д-р Буховецкий.—Ревматизм. Ц. 15 к.
59. Д-р Дубинская.—Гигиена жилищ, об отоплении чаем. Ц. 20 к.
60. Д-р Тагир.—Эпилепсия. Ц. 15 к.
61. Пр.-доп. Мендельсон.—Гипноз и внушение. Ц. 15 к.
62. Пр.-доп. Эрлих.—Болезни кожи в условиях профессионального труда. Ц. 15 к.
63. Пр.-доп. Данилевич.—Как уберечь детей от скарлатины. Ц. 15 к.